

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ ЮРІЯ ВЕРХОВСКАГО

РАЗНЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЮРІЯ ВЕРХОВСКАГО

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПИОНЪ“

МОСКВА

1908

1

Дорогому
Александрѣ Александровичу
Благу

Юрій¹ Верховскій

Спб. Ноябрь 1908.

ЮРІЙ ВЕРХОВСКІЙ

РАЗНЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ

ЮРІЯ ВЕРХОВСКАГО

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПИОНЪ“

МОСКВА

1908

120898

Типографія О-ва распр. полез. книгъ. Преемникъ В. И. Вороновъ.
Моховая, противъ Манежа, домъ кн. Гагарина.

ПАМЯТИ ОТЦА.

I

ЭЛЕГИ, СТАНСЫ, ПѢСНИ, ГИМНЫ, СОНЕТЫ.

ТѢНИ.

I.

Тѣни ночныя, въ васъ тайны созвучья;
 Образы дня—вы понятны, какъ риѣмы.
 Ночью земля и прекраснѣй, и лучше;
 Грезы—надъ міромъ парящія нимфы—
     Вьются туманами,
     Звуками стелятся—
     Смутными чарами,
     Полными шелеста.

За деревьями—плачущій мѣсяцъ,
 За туманами—нѣжная даль,
 А въ душѣ—властно-нѣжащихъ пѣсень
 Безмятежно-жемчужная гладь...
     Міръ проснется съ рыданьемъ
     Подъ лучами суровыми,
     Золотыми цѣпями
     Разсвѣта окованный.

2.

Свѣтитъ мѣсяць,
Кричитъ коростель,
Липы цвѣтутъ;
Тишина съ ея звуками
Дышитъ прохладой душистой
Изъ сада въ окно.
На небѣ, чуть-чуть серебρισомъ
Отъ луннаго свѣта
Яркіе—темные контуры липъ.
Стоять онѣ тѣсно, сливаясь, ---
Недвижно-живыя—
И внемлютъ молчанію ночи,
Пріявшему звуки въ себя:
И дальней мельницы шумъ,
И дыханье, и шорохъ,
И шепотъ сада...

Мѣсяць мечтаетъ,
Скрипитъ коростель,
Дышатъ цвѣтуція липы.

За ними—за ночьюю
Нѣтъ мысли, нѣтъ жизни дыханья;
Все жизнью ночи живетъ,
Все созерцанья исполнено:
Мѣсяцъ живетъ только свѣтомъ своимъ,
Всю природу объемлющимъ,
Слившимся съ нею.
Для темныхъ липъ
Свѣтлое небо, и мѣсяцъ,
И бiеніе жизни вокругъ—
Все—для нихъ и все—передъ ними,
Здѣсь, въ этой ночи и въ нихъ.
А дальняя мельница
Слушаетъ шумъ своихъ водъ,
Слившійся съ звуками ночи—
И живетъ: этой ночьюю—шумомъ своимъ.
Коростель, погруженный
Въ таинство ночи,
Въ звукахъ своихъ изливается
Передъ собой— какъ и садъ,
Вмѣщающій жизнь въ своихъ звукахъ,
Тѣняхъ, ароматахъ;

Но и они, какъ и все,
Сливаются съ ночьюю единой.
За нею же нѣтъ ни міра, ни жизни.
Она—себя созерцаетъ,
Въ ней—мысль, и трепетъ, и жизнь:
Свѣтитъ мѣсяцъ,
Кричитъ коростель,
Влажно-душистыя липы цвѣтутъ.

3.

Какъ настанетъ ночь, все звуковъ жду я,
Имъ навстрѣчу ошущю бреду;
И они, сплетаясь и враждуя,
Говорятъ въ струящемся бреду.

И безвольно душу я раскрою
Передъ пышной плещущей игрой;
Дамъ скорѣй въ себя вомчатся рою
Сновъ и грезъ—колдующей порой.

И живому чающему духу
Откровенья зиждущаго жду;
И на радость алчущему слуху
Все приму, ниспосланное уху,
Все—какъ даръ: и ласку, и вражду.

X 4.

Надъ мирно угасшимъ закатомъ
За черной усталой водой—
Печаленъ, и кротокъ, и блѣденъ
Всплылъ мѣсяца серпъ молодой.

Я видѣлъ: надъ грустной землею
Онъ вдумчивымъ взоромъ поникъ;
А въ рѣчкѣ задумался кротко
Печальный и блѣдный двойникъ.

По топкому берегу шель я;
Казалось, мы были втроемъ:
Я, мѣсяцъ на небѣ и мѣсяцъ,
Качаемый темнымъ ручьемъ.

А мѣсяцъ съ небесъ заглядѣлся
Туда, гдѣ чернѣла рѣка,
И видѣлъ меня—на болотѣ,
Въ водѣ—моего двойника.

X
5.

Черезъ лѣсъ заглохшей тропинкой
Одинъ пробираюсь въ темь.
А ужъ ночь скользитъ невидимкой,
Померкъ незамѣтно день.

Тишина трепещетъ невнятно,
И лѣсъ неподвижный живъ,
И вѣтвей объятъя прохладны,
И я погружаюсь въ нихъ.

А за мной, сквозь чашу мелькая,
Во храмъ потаенныхъ сновъ,
Далеко алѣя какъ пламя,
Спѣшитъ заплывшій богъ.

6.

Разъ ночью я отъ сновъ моихъ проснулся
(Мнѣ кажется, то было не во снѣ)—
И бѣлый призракъ подошелъ ко мнѣ
И надо мною медленно нагнулся.

Онъ былъ знакомъ мнѣ въ странной новизнѣ.
Я удивился, но не ужаснулся.
Онъ сталъ меня душить—я содрогнулся.
А онъ исчезъ, мелькнувши на стѣнѣ.

И я томился долго. Что такое
Меня давило въ образѣ родномъ,
Пока я могъ забыться свѣтлымъ сномъ?

Когда же будутъ прочтены въ покоѣ
Знакомой книги старые листы?
Межъ двухъ міровъ воздвигнуты мосты.

7.

Я видѣлъ сонъ: въ пустомъ огромномъ залѣ
Рядъ у стѣны вздымавшихся зеркалъ,
Какъ цѣпь свѣтилъ, торжественно сверкалъ.
Я былъ одинъ. Шумъ города все далѣ—

И гулъ толпы, и грохотъ—ускользаль.
А зеркала мой образъ отражали—
Я въ нихъ читалъ волшебныя скрижали,
И новой жизнью былъ мнѣ чудный залъ:

Такъ это—я? Невѣдомый и странный,
Гляжусь, какъ въ мѣрѣ—огромный, многогранный...
Какъ на себя я дивно непохожъ!

Такъ это—я? И тутъ, съ собою рядомъ
Вновь я гляжу—чужимъ и близкимъ взглядомъ?..
Какъ холодна мнѣ здѣшной жизни дрожь!

8. дождь.

Дождь идетъ. Какъ черно за окномъ!
Хоть живеть, спитъ давно старый домъ.

Не уснуть. Какъ усну я съ дождемъ?
Какъ-нибудь ночь одну переждемъ.

Что въ окно тамъ глядитъ онъ—старикъ?
Ужъ давно онъ кряхтитъ, я привыкъ.

Я его, вѣдь, люблю; онъ—меня.
Ничего; не дремлю съ нимъ, вѣдь, я.

Темнота. Тишина. Дождь идетъ.
Это—та; то—она; ихъ полеть.

Вотъ крыломъ здѣсь шуршатъ—возлѣ, тутъ—
И кругомъ—и спѣшатъ, и живутъ.

И сюда ужъ ведетъ, старый вождь,
Какъ всегда, свой народъ тихій дождь.

Вотъ изъ тьмы снова онъ заглянулъ.
Слышимъ мы словно стонъ, словно гуль.

Все идутъ. Тихій шумъ. Звукъ шаговъ.
Слышно тутъ много думъ, тихихъ словъ,

И вѣстей, и угрозъ, и мольбы,
Злыхъ затѣй, тайныхъ грозъ и борьбы.

Тише всѣхъ о любви тутъ журчатъ...
Слабый смѣхъ улови... Чу!... Молчатъ...

Все молчить. Гроломъ словъ надъ толпой
Прозвучить властный зовъ... Тишь? Покой?

Тишина. Темнота. Ихъ полеть.
То—она; это—та. Дождь идетъ.

Дождь идетъ, и темно за окномъ.
Хоть живетъ, спитъ давно старый домъ.

Рвется прочь сказка-ложь. Напролетъ
Ты всю ночь не уснешь. Дождь идетъ.

9.

Надеждѣ Григорьевнѣ Чулковой.

Посеребрённый лукъ Діана
Высоко въ небо подняла.
И стала дѣвственно-свѣтла
Засеребрившаяся мгла.
Кому же суждена стрѣла
Неистощимаго колчана?

Не грудь могучаго орла,
Не бѣлый лебедь у фонтана,
Не кудри дуба—шлемъ титана,
Не томно-гибкая ліана,—
Мечта осенняя... Діана!
Ее разить твоя стрѣла.

ГОРОДЪ.

Тѣсно сдвинуть
Лабиринтъ.
Старый городъ,
Чѣмъ ты гордъ?

Межь гранитомъ
Строенъ ритмъ—
Подневоленъ
Шелестъ волнъ.

Парусъ плачетъ
Между мачтъ;
Путь нашъ дологъ—
Хмурый долгъ.

Камень-берегъ
Страсть, отвергъ:
Тѣни носить
Черный мостъ.

Въ тьму низринуть
Лабиринтъ.
Здѣсь не дорогъ
День—восторгъ.

Жизнь украсить—
И упасть:
Мѣряй взоромъ
Хаосъ формъ!

Черныхъ масокъ
Темныхъ ласкъ
Жди, растроганъ,
Въ пасти стогнь!

Вьется, бурень,
Прахъ изъ урнѣ.
Тусклый городъ,
Чѣмъ ты гордѣ?

120898

ЭЛЕГИЧЕСКАЯ СЮИТА.

I.

За-пóлночь, завывающей зимой,
 Безъ блестокъ, и звѣздъ, и луны,
 Когда ты возвращаешься домой
И видишь, что окна темны,—

Еще ты приближаешься и ждешь:
 Рядъ оконъ засвѣтитъ вотъ-вотъ...
 ? Но чуешь засмѣявшуюся ложь—
 И сердце во мракъ упадетъ.

И, слившись съ заполуночной зимой,
 Поймешь ты и то, что темно;
 Спокойно ты постигнешь, что домой
Вернуться душѣ не дано.

2. КОНЕЦЪ МАРТА.

Пятно туманной луны
 Маячить въ выси туманной.
 А снѣгъ, дыша умиленностью,
 Исходитъ каплями благостными.

Подъ снами нашими тягостными
 И здѣсь весенней влюбленностью—
 Больною, тусклой, обманной—
 Мы всѣ—уже—влюблены.

3. ИСТОМА.

Душень яркій зной,
 Никнешь головою.
 Папоротникъ сквозной
 Съ ласковостью живою—
     Словно сонъ, колышится;
     Ты подъ нимъ въ забывчивости;
 Чувствуется и слышится
 Снящееся въ расплывчивости.

Тихо взоръ замкнулъ
 Ты зарей пурпурной.
 Вслушивайся же въ гулъ
 Жизненности лазурной—
     Въ сны благоуханные,
     Легкіе и тягостные,
 Призрачные, нежданные,
 Солнечные и благостные.

Когда я въ августѣ, въ закатный часъ, иду
Въ моемъ запущенномъ мечтательномъ саду,
И этотъ ясный часъ различно-одинаковъ
Въ покровѣ, рѣющемъ на купахъ мальвъ и маковъ,

На листьяхъ и цвѣтахъ, на небѣ и землѣ,—
И я среди цвѣтовъ качаюсь на стеблѣ,
И тихо насъ манитъ, прозрачной дремой въя,
Лилово-свѣтлая плѣнительная фея.

УСТАЛОСТЬ.

Каркаютъ вороны,
Мнѣ сулятъ уронъ.
Рвусь въ инья страны
Прочь отъ новыхъ ранъ.

Дождался разсвѣта,
Да не миль привѣтъ;
Ночь въ туманъ повита—
Слаще духъ живить.

Трудно сердцу стало,
Духъ во мнѣ усталъ,
Истомилось тѣло,
Вздохъ прошелестѣлъ.

И не нудятъ раны
Жаждать теплыхъ странъ,
Не страшны уроны,
Не слышать воронъ.

КУХУЛИНЪ.

Александру Николаевичу Веселовскому.

Я нынче расскажу тебѣ о томъ,
Какъ умиралъ я. На полѣ широкомъ
Я умиралъ отъ раны—и кругомъ
Не видѣлъ я, въ томленьи одинокомъ,

Ни друга, ни любви съ ея тепломъ;
А даль—и небо съ пламеннымъ востокомъ.
И въ высотѣ, въ просторѣ голубомъ—
Парящій коршунъ. Зоркимъ, жаднымъ окомъ

Меня увидѣлъ онъ—и захотѣлъ
Моей напиться крови. Я глядѣлъ,
Какъ на меня онъ медленно спускался.

Но запеклась на ранѣ кровь какъ-разъ—
Онъ цѣпкими ногами въ ней завязъ!
Я это увидалъ—и размѣялся.

СТРУНЫ.

I.

Вѣтъ вѣтеръ, воетъ вѣтеръ,
 Сѣрый дождь течеть, сѣчетъ;
 Приуныль слезливый Питеръ—
 И молчить, и не молчить.

Тусклымъ пологомъ тумана
 Занавѣсился фонарь;
 Гдѣ-то чудится измѣна,
 Вяло слышится: не вѣрь!

○ 2.

Слышу шорохъ, шумъ и шелестъ
 Вечерами темными;
 Ахъ, зачѣмъ брожу я холостъ
 Съ грезами безумными!

Вонъ, спѣша, летитъ ворона—
 Крыльями повѣяла;
 Вонъ вдали кричитъ сирена—
 Душу мнѣ измаяла.

3.

Ночь какъ сонъ спокойна.
 Только сердце слышу.
 Медленная тайна
 Обнимаетъ душу.

Вотъ напѣвъ дыханья;
 Тишина трепещетъ.
 Прежнія видѣнья;
 Сердце ждетъ—не ищетъ.

4.

Спать вагонъ.
 Воетъ вѣтеръ.
 Я одинъ.
 Близокъ Питеръ.

Вновь туманъ.
 Вновь видѣнья.
 Жду измѣнъ.
 Жду свиданья.

МИЛЫЙ РЫЦАРЬ.

Ахъ, вы сами въ сказкѣ, рыцарь,
Вамъ не надо розъ.

Б л о к ъ.

I.

Милый рыцарь сказочный,
Ты побудь со мной;
Дай вѣстей наслушаться
О странѣ иной.

Не гляди задумчиво,
Подними забрало:
Ужъ свѣтаеть; облако
Вонъ какъ стало ало.

Милый рыцарь сказочный,
Что же ты грустишь?
Или сердцемъ слушаешь
Передъ свѣтомъ—тишь?

Очи затуманила
 Тишина святая.
 Потускнѣлъ и образъ твой...
 Ты уходишь, тая?...

Милый рыцарь сказочный,
 Вотъ—рука моя...
 Ахъ, вернись, желанный мой:
 Я давно твоя.

Очи затуманило...
 Рыцарь милый мой...
 Очи затуманило...
 Рыцарь милый мой...

✠ 2.

Прялка моя
 Жалѣть волоконъ.
 Развился мой локонъ.
 Устала я.

Тише пряду.
 Дрожу и слабѣю.
 Истомой моею
 Разсвѣта жду.

Сонъ золотой.
 Жарь-птиць вереницы...
 Сойди на рѣсницы,
 Разсвѣтнй мой.

3.

Ты пребудешь надъ долинами—
 Хоть на высяхъ рождена—
 Неземными исполинами
 Побѣждена.

Ты пройдешь надъ нами дарственно—
 И съ тобой
 Насъ обвѣтетъ пышно-царственно
 Ароматъ твой голубой.

Проходи же, дѣва смѣлая.
 Предъ тобою онѣмѣлая
 Распростертая земля,
 Испитая, оробѣлая,—
 Проходи же, дѣва бѣлая,
 Солнце вѣщее моля.

И зашепчутъ ключи,
 Заиграютъ лучи,
 Дерзновенны, свѣтлы, горячи.

Затрубятъ
 Рога
 И разбудятъ
 Они берега.
 Кто узнаетъ врага,
 Тотъ пойдетъ на врага, на врага.

Я же буду благодарственно
 Лобызать
 Край одежды пышно-царственной
 И глазами провожать
 Образъ дѣвы моей
 До ея алтарей—
 И ждать, ждать.

4

Мѣдныя трубы
 Звучать торжественно
 И жестоко.
 Красы темноокой
 Профиль женственный
 И алая губы.

Но не залы—просторы облачные
 И выси солнечныя—
 Ей нынче любви.
 Оставивъ за собой
 Восторги и пени,
 Она
 Въ мечтѣ голубой
 Сѣла на ступени
 Одна—
 Съ веселой мольбой.

И книга
 Сверкала на солнцѣ
 Бѣлизной страницы

Въ ея рукахъ.
Искрились кольца
На перстахъ
Царицы
Яснаго мига—
Въ огнѣ изумруда.

Но трудно
Взоромъ безпомощнымъ
Читать страницы солнечныя.

Но хочется долгаго яркаго мига.

И быстро она разсыпаетъ
Пышныя темныя волосы—
Надъ свѣтлою книгой
Къ ней приникая—
И зыбкія полосы
Свѣта и тѣни
Жадно читаетъ.
Одна на широкой ступени,
Склоняетъ
Свой профиль женственный
И алыя губы.

А вдали звучать торжественно
Жестокія трубы.

5.

Мой вѣрный поэтъ,
Напишите красивый сонетъ—

Обо мнѣ,
О цвѣтахъ, соловьяхъ и лунѣ.

— Королева моя!
Вѣдь и муза сама не своя,
Если ты
Поглядишь на нее съ высоты.

Я—звѣзда,
И упасть я могу иногда.
Ты, упрямый пѣвецъ,
Запоешь ли теперь, наконецъ?

— Падать ницъ
Предъ тобою, царица царицъ!
Въ силахъ ли я?
Здѣсь—царица, гдѣ жъ муза моя?

РОМАНСЫ О ГРАФѢ ВИЛЛАМЕДЬЯНѢ.

I.

Былъ турниръ великолѣпенъ.
 Жарко бились кавалеры—
 И герольды возгласили
 Многихъ храбрыхъ имена.
 Кто же первый? Чей же рыцарь —
 Побѣдитель всѣхъ безстрашныхъ,
 Славныхъ рыцарей кастильскихъ,
 Слугъ Филиппа короля?
 Онъ явился на арену
 Весь покрытый чешуею
 Изъ серебряныхъ реаловъ—
 И блистая, и звеня.
 Вотъ уже въ пыли и въ славѣ
 За наградой къ королевѣ
 Онъ идетъ—и смотритъ смѣло;
 На щитѣ—его девизъ.

Mis amores son reales—
 Королева прочитала;
 Передъ ней стоялъ, склоняясь,
 Храбрый графъ Вилламедьяна.

2.

Гдѣ была еще на свѣтѣ
 Ослѣпительный картина—
 Торжество въ Аранхуэсѣ
 Въ честь четвертаго Филиппа?

Но всего прекраснѣй—сцена.
 Здѣсь—гирлянды стройныхъ дамъ.
 Съ ними роза—королева
 Льетъ созвучій ароматъ.

Чье искусство въ монологѣ
 Остроумномъ, томномъ, страстномъ?
 Кѣмъ же, кѣмъ онъ созданъ, Боже?
 Элегантнымъ, нѣжнымъ графомъ.

И веселымъ, гордымъ взглядомъ
 Графъ на сцену посмотрѣлъ.
 Онъ перомъ владѣлъ какъ шпагой,
 Нашъ изящнѣйшій поэтъ.

3.

Граціозна Изабелла—
 Утомленная, одна...
 Проходила королева
 Галлерейми дворца.

Кто-то вонь—за нею слѣдомъ.
 Мигъ—погоня ужь близка—
 Двѣ ладони взмахомъ смѣлымъ
 Вдругъ закрыли ей глаза.

Не смутилась королева—
 И съ улыбкой на устахъ
 Молвить весело, напѣвно:
 „Полно! Что такое, графы!“

Ужь не держать. Свѣтомъ бѣлымъ
 День блеснула ея очамъ.
 Обернулась—съ ликомъ гнѣвнымъ
 Передъ ней король стоялъ.

4.

Кавалеръ, поэтъ и рыцарь—
 Стройный, смѣлый, горделивый—
 Въ яркій день съ толпой веселой
 Шель по площади столицы.
 Вдругъ онъ видитъ: справа, слѣва,
 Впереди—иные люди:
 Трое въ черныхъ полумаскахъ...
 „Смерть во имя короля!“
 И сверкнули три кинжала—
 И смертельно пораженный
 Онъ упалъ на мостовую;
 А убійцы, а злодѣи—

Трое въ черныхъ полумаскахъ —
Скрылись тотчасъ же, мгновенно
Поглощенные толпою.
И толпа стоитъ надъ нимъ

И, къ землѣ уже склоняясь,
Произнесъ спокойно, ясно:
Mis amores son reales—
Вѣрный графъ Вилламедьяна.

ГИМНЫ.

Посвящены Вячеславу Иванову.

І. УТРЕННЕЙ ЗВѢЗДЪ.

Звѣзда, звѣзда!

Приди
Среди
Золоторунныхъ
Облаковъ,
Огней,
Тѣней,
И тихострунныхъ
Вѣтерковъ.

Съ тобой,
Съ одной
Священнобрачный
Солнцебогъ.
Горѣ,
Въ зарѣ
Полупрозрачный
Твой чертогъ.

Внемли
Земли
Проникновеннымъ
Полуснамъ
И въ высь
Стремись
По вдохновеннымъ
Небесамъ.

Гряди
Среди
Золототканыхъ
Опахалъ!
Яснѣй
Тѣней
Благоуханныхъ
Гимнъ—хораль—

Заря, заря!

2. ХРАМЪ.

Въ синеву вознесся бѣлый храмъ
 И вѣка горить слѣпящимъ блескомъ
 Въ зноѣ солнца нѣжащемъ и рѣзкомъ,
 Благосклонный праведнымъ дарамъ—
 И съ мірами спорить вѣчный храмъ.

Ниспадають на фронтоны,
 Бурей славы трепеща,
 Ярко-темные фестоны
 Винограда и плюща.
 И къ колоннѣ этой бѣлой
 Не прильнуть ли сынъ времянь—
 Плющъ, взлелѣянный Кибелой,—
 И съ мольбою оробѣлой
 Той колоннѣ снѣжно-бѣлой
 Что онъ шепчетъ—опалень?

Да, онъ шепчетъ. Только тѣ ли,
 Для нея-ль его слова?—
 И узорной капители
 Онъ касается едва.
 „О зачѣмъ я не колонна!
 Нѣжной доли я ишу.

Въ блескѣ солнца непреклонна,
 Въ лунной дремѣ благосклонна,
 Нѣжно-бѣлая колонна,
 Стройный даръ царю—плющу!“

И колонна, залитая
 Моремъ блеска и тепла,
 Неподвижно какъ бы тая,
 Отъ мечты изнемогла.
 „Для чего я не всевластный
 Царь вѣковъ—зеленый плющъ,
 Жарче солнца—сладострастный,
 Въ лунномъ холодѣ—прекрасный;
 Я, раба—не царь всевластный
 Съ вѣщимъ шумомъ темныхъ кущъ“.

Ниспадають на фронтоны,
 Въ блескѣ солнца трепеща,
 Ярко-темные фестоны
 Винограда и плюща.
 И сияеть бѣлый мраморъ;
 Окрыленная душа
 Зритъ на храмѣ надпись: „Amor“;
 Вѣчный Amor, свѣтлый Amor!
 Недвижимъ, безмолвень мраморъ,
 Плющъ качается, шурша.

И вѣка взнесенный бѣлый храмъ
 Въ синевѣ горитъ слѣпящимъ блескомъ.
 Въ зноѣ соянца, нѣжащемъ и рѣзкомъ,
 Благосклоненъ искреннимъ дарамъ—
 И мірами править вѣчный храмъ.

3. мѣсяцу, зарѣ, звѣздѣ, лазури, солнцу.

Мой нѣжный, милый братъ,
 О мѣсяцъ молодой,
 Отъ свѣтозарныхъ вратъ
 Воздушною чредой,
 Долиною отрадъ
 Надъ облачной грядой
 Плывешь ты грустно-радъ
 За тихую звѣздой.
 О мѣсяцъ, ясный братъ—
 Любимый, молодой.

Сестра моя—заря,
 Красавица сестра,
 Стыдливостью горя,
 Изъ тихаго шатра
 Въ лазурныя моря,
 Когда придетъ пора,
 Идешь встрѣчать царя,
 Чтобъ гаснуть до утра,
 О томная заря,
 Прелестная сестра.

Ты, свѣтлая жена,
 Звѣзда вечернихъ сновъ,
 Плѣнительно нѣжна
 Въ нѣмомъ потокѣ словъ,
 Любовью возжена,
 Свершаешь страстный ловъ,
 Душой отражена—
 И свѣтъ твой вѣчно новъ,
 О свѣтлая жена,
 Звѣзда вечернихъ сновъ.

О благодная мать,
 Лазурь небесъ благихъ,
 Молю тебя внимать
 Священный, свѣтлый стихъ;
 Да пѣть онъ благодать,
 Величественъ и тихъ,
 Чтобъ въ гимнѣ передать
 Безбрежность благъ твоихъ,
 О благодная мать,
 Лазурь небесъ благихъ.

О ясный мой отецъ,
 О Геліось—любовь,
 Начало и конецъ,
 Огонь, вино и кровь.
 Воздвигни свой вѣнецъ!
 Слѣпящій рай готовъ
 Для пламенныхъ сердецъ,
 Блаженныхъ вновь и вновь!
 О свѣтлый мой отецъ,
 О Геліось--любовь!

Свѣтлое имя твое
    Не овѣтается мрачностью;
Нѣжное имя твое
    Сочеталось съ Прозрачностью.

Утренней лаской горить,
    Пурпуровою, синею;
Ты низошла межъ харить
    Непорочной богинею.

Легкія ткани надѣвъ,
    Ты надъ пашнями, водами
Въ ликѣ ликующихъ дѣвъ
    Пронеслась съ хороводами.

Ты вдохновляла свирѣль
    Надъ живой Иппокреною;
Пѣла—въ ночи, на зарѣ ль—
    Полуптицей—сиреною.

Ты ль межъ харить названа
Гегемоной—харитою?
Здѣсь названа ты одна
Межъ сирень—Маргаритою.

Нѣжное имя твое
Не овѣется мрачностью;
Свѣтлое имя твое
Сочеталось съ Прозрачностью.

Глаза—лиловыя фіалки
Цвѣли въ тѣни твоихъ рѣсницъ.
Подъ взоромъ любящей весталки
Душа безвольно пала ницъ.

Высоко плыли облака—
Цвѣли, пронизанныя свѣтомъ.
Но имъ вослѣдъ; влеклась тоска,
Дышала грозовымъ обѣтомъ.

Завороженъ волшебнымъ словомъ,
Я безвозвратно изнемогъ.
Передъ твоимъ огнемъ лиловымъ
Я пламень жертвенный зажегъ.

На бѣломраморномъ челѣ
Святая тѣнь лежала грозно,
Глася поникнувшей землѣ,
Глася душѣ безгласной: „Поздно“.

НАПѢВЫ ФЕТА.

I.

Уѣдешь—и сѣверъ
Помянешь добромъ.
Малиновый клеверъ
Разостланъ ковромъ.

Къ калиткѣ садовой
Скорѣй подойди.
Какъ запахъ медовый
Отраденъ груди!

Отъ насъ недалеко
До первой межи.
Зарывшись глубоко,
Въ травѣ полежи.

Дыша и мечтая,
Лицо запрокинь;
Вонь—быстрая стая
Уносится въ синь.

Слѣдя за полетомъ
 Родныхъ журавлей,
 О югѣ далекомъ
 Мечтай—не жалѣй.

2.

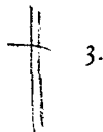
Какъ сегодня зарницы свѣтлы.
 Странно душу онѣ шевелятъ—
 Только встрѣтишь изъ облачной мглы
 Проглянувшей мелькающей взглядъ.

Все живое таится вокругъ.
 И такая стоитъ тишина.
 Вотъ—собака пролаяла вдругъ,
 Изъ далекой деревни слышна.

И молчить. И тревоженъ покой.
 И зарницы играютъ сильнѣй.
 Страненъ свѣтъ—красноватый такой—
 Ихъ далекихъ и тихихъ огней.

Только чаще и шире огни—
 Все душнѣе и тише кругомъ—
 Справа, слѣва мигаютъ они,
 Вотъ какъ-будто послышался громъ

Потревоженный вѣтеръ вздохнулъ,
 Тихо черную тучу веда.
 Снова дальній и медленный гулъ.
 Вотъ застучали капли дождя.

И я слышу какъ сердце цвѣтеть.

Фетъ.

Тишина цвѣтеть.

Блокъ.

Другъ мой, молчишь ты? Молчи.

Издали пѣсня слышна.

Звуковъ такъ много въ ночи.

Только въ душѣ—тишина.

Рѣдкія капли дождя

Съ листьевъ стекають, шурша.

Въ легкіе сны уходя,

Кротко затихла душа.

И распускается въ ней

Бѣлый прозрачный цвѣтокъ;

Съ каждымъ дыханьемъ нѣжнѣй

Каждый его лепестокъ.

Ты ль эти звѣзды зажгла—

Слезы любви—надо мной?

Съ ними душа зацвѣла—

И расцвѣла—тишиной.

Другъ мой, молчишь ты? Молчи.

Звѣздамъ и сердцу слышна,

Словно въ душѣ—и въ ночи

Кротко цвѣтеть тишина.

4.

Ночь моя проходить мимо,
 Уплывает прочь,
 Поблѣднѣвъ неуловимо—
 Ласковая ночь.
 Рядомъ съ бѣлою колонной,
 Свѣсивъ свой нарядъ,
 Надъ рѣшеткою балконной
 Дремлетъ виноградъ.
 Я надъ свѣтлою ступенью
 Тутъ стою одинъ;
 Ужь уснула ты за тѣню
 Спущенныхъ гардинъ.
 Глубь небесъ давно поблекла,
 Утру предана;
 А внизу свѣтлѣютъ стекла
 Твоего окна.
 Я пройду тихонько мимо,
 Ввѣривъ утру ночь;
 Ночь моя неуловимо
 Отлетѣла прочь.

5.

Ты предсталъ надъ вечерней румяной зарей
 Серебристою, тонкой ладьей—
 И просила тебя молодая печаль:
 „Ты ко мнѣ, мой любимый, причаль“.

И серебряный свѣтъ, и серебряный сонъ
    Былъ тобой для меня принесень—
Для меня, для рѣки, для небесъ и земли
    Ты свѣтлѣлъ и вблизи, и вдали.
А теперь надъ разсвѣтной зарей ты стоишь—
    И кротка твоя свѣтлая тишь.
Нѣжно тонокъ и бѣлъ запрокинутый серпъ,
    Обреченный на тихій ущербъ.
Отъ меня и рѣки, отъ тоски, отъ любви,
    Какъ блѣднѣющій парусъ, плыви;
И тебя провожаетъ земная печаль:
    „Тихо къ алой денницѣ причаль“.

† РУЧЕЙ.

Когда въ водахъ моихъ чернѣющихъ колыхается
 Зеленая звѣзда,
 Вонъ та, далекая,—невѣдомое слышится
 И радостно тогда.
 Въ порывѣ трепетномъ изгнанница небесная,
 Волну мою пронзивъ,
 Лучами острыми чертитъ уже, прелестная,
 Сверкающій извивъ.
 И радость свѣтлая, холодная, блестящая
 Поетъ въ игрѣ лучей.
 Такъ лону сладостна за тьму огнями мстящая
 Серебряность рѣчей.
 Во мнѣ живетъ она—горящая, зеленая;
 А тамъ, на небесахъ—
 Бездушно свѣтится, какъ жертва опаленная,
 Бѣ бездушный прахъ.

Задумчивый сатиръ играетъ на свирѣли.
И дальнія стада, и птицы присмирѣли;
Пастухъ разсѣянный о Хлоѣ позабылъ;
И въ листьяхъ вѣтерокъ дыханье затаилъ;
А звуки все текутъ истомнѣе и слаще
Туда, гдѣ, притаясь въ зеленой, влажной чашѣ,
Дриада юная раскинулась, бѣла—
И въ упоеніи безсильно замерла.

† ПѢСНЯ.

Вижу я въ кудряхъ березки
Затаившійся значекъ;
Богородицыны слезки—
Засыхающій пучекъ.

Кѣмъ онъ былъ сюда повѣшенъ
Тайну скромную беречь?
Кто-то плакалъ, неутѣшенъ,
Послѣ частыхъ милыхъ встрѣчъ?

И задумчивый букетикъ
Мнѣ тебя напомнилъ вдругъ,
Мой весенній милый цвѣтикъ,
Отдаленный страстный другъ.

Сердце шепчетъ: ужъ не ты ли
 Здѣсь невидимо была—
 Гдѣ такъ нѣжно мы любили,
 Слезы грусти собрала?

Отъ Леона
Стефану
 Мечту мою они плѣniają вмѣстѣ—
 Абидѣ и Сестѣ; прильнуло море къ нимъ,
 Лазоревымъ лобзаніемъ своимъ
 Ихъ раздѣливъ какъ-бы изъ тайной мести.

Въ Абидѣ кто тоскуетъ по невѣстѣ?
 Леандръ одинъ. А можетъ быть—Селимъ
 Въ ночной прохладѣ грезами палимъ?
 Но вотъ блеснулъ огонь на башнѣ въ Сестѣ!

Кто факель тотъ зажегъ надъ моремъ бурнымъ?
 Зулейка? Геро? Онъ огнемъ пурпурнымъ
 Зоветъ пловца на тайный пиръ сердець.
 Кто тамъ плыветъ на пламя нѣжныхъ оргій?
 То не Леандръ, а бурный тотъ Георгій,
 Въ объятыхъ волнъ отважнѣйшій пловець.

ОТСВѢТЫ.

I. ОТВѢТЬ.

Когда ужь ночь давно, когда неслышы мнѣ
Тревожной жизни содроганья,
Люблю, задумавшись, въ глубокой тишинѣ
Читать душой твои созданья.
Въ полночномъ трепетѣ яснѣетъ мысль моя,
И сердце пламеннѣе бьется;
Ему понятнѣе тревоги бытія,
Въ него потокъ волненій льется.
Какъ близки, какъ томить въ созвучіяхъ твоихъ
Души тоскующей порывы,
Какъ сердце чувствуетъ живую силу ихъ—
И шлетъ на нихъ свои отзвывы.
Мнѣ кажется тогда, что понималъ я тебя;
Моими грустными мечтами
Тебѣ я предаюсь; тоскуя и любя,
Твоими плачу я слезами.

4
2. АРКАДІЯ.

Точно, мы счастливы были, и боги
любили счастливыхъ.

Дельвиг

ОТРОКЪ.

Кроткая муза, ты часто поешь мнѣ о вѣкѣ прекрасномъ
И о блаженной странѣ. Муза, сведи же меня
Нынче и къ добрымъ твоимъ пастухамъ, и къ веселымъ пастушкамъ,
Къ старцамъ премудро-простымъ, къ милымъ стадамъ и ручьямъ.

МУЗА.

Сколько вѣры невинной и въ просьбѣ твоей, и въ улыбкѣ!
Мальчикъ, за мной торопись! Будь же такимъ, какъ сейчасъ:
Сладко и нынѣ сказать мнѣ отрокамъ нѣжнымъ и чистымъ:
Да, Аркадія есть; о полетимъ же туда!

3. МЕЧТАТЕЛЮ.

Знать, міру явному дотолѣ
 Нашъ бѣдный умъ порабощень,
 Что переносить по неволѣ
 И въ міръ мечты его законъ!

Б а р а т ы н с к і й

О не мечтай! Зачѣмъ тоскующей душой
 Крылатыхъ грезъ у неба просишь?
 Зачѣмъ ты хоть во снѣ стремишься въ міръ иной,
 Когда въ душѣ его не носишь?

Пока ты полонъ силъ, и юнъ, и вдохновенъ,
 Ты познаешь красы земныя;
 Но скоро, не познавъ, ты видишь только тлѣнъ—
 И рвутся въ высь мечты иныя.

Но въ міръ, чужой тебѣ, дороги не найдешь:
 Вѣдь ты мечтать и не умѣешь;
 Вѣдь, даже распознавъ въ своихъ порывахъ ложь,
 Ты—рабъ земли—уйти не смѣешь;

Вѣдь даже въ сторонѣ далекой отъ земли
Искать ты могъ бы лишь земное,
Понятное мечтѣ, родившейся въ пыли,
Подъ звонъ цѣпей, въ пустынномъ зноѣ:

Ты можешь все забыть и можешь—проклинать
Свои страдальческіе годы,—
Но хмурый, жалкій рабъ способенъ ли понять
Въ пустынѣ хотъ миражъ—свободы?!

† 4.

Голосистая, живая
Чародѣйка молодая,
Удалая красота...

Я зыковъ.

Мимолетные, живые
Поцѣлуи огневые,
Чарователи мои!
Винъ старинныхъ, винъ завѣтныхъ,
И любимыхъ, и привѣтныхъ
Золотистыя струи!

Вѣкъ бы вами упивался,
Вѣкъ бы съ вами не разстался,
Только были бъ и друзья—
Безудержно-молодая,
Рѣзво-буйная, хмельная,
Развеселая семья.

Оглушительные споры,
Пѣсни, смѣхъ и разговоры—
Какъ весенняя гроза;
И красавицъ огневые,
Искрометные, живые,
Ярче молніи— глаза!

5.

Здѣсь благодатное убѣжище поэта.

Языковъ.

Да, хорошо мнѣ здѣсь! И книги, и природа,
 И мысли ясныя, и ясная погода,
 Спокойствіе души и жизни полнота.
 Гуляешь—надъ тобой лазури высота,
 Вокругъ—то море ржи, то лѣсъ прохладношумный
 И всюду—тотъ покой, свободный и бездумный,
 Тотъ вольно дышущій и вѣрящій покой,
 И миръ, и тишина—весь ладъ души людской,
 Взволнованной душой всегда, вездѣ желанный,
 Ея спокойствія пріютъ благоуханный,
 Котораго бѣ искать напрасно было тамъ—
 По грязнымъ улицамъ, по пыльнымъ городамъ.
 Вѣдь здѣсь и зной, и дождь, и грозы, и ненастье
 Напоминаютъ мнѣ младенческое счастье,
 Когда вся жизнь души ясна, проста, легка,
 Съ природой милою таинственно близка.
 Вѣдь здѣсь и хмурый день исполненъ умиленья
 И тихой прелести и нѣги вдохновенья:
 Захочешь—и стихи свободные плывутъ,
 И звуки стройные плѣняются и зовутъ;
 Захочешь—и съ душой сольются—нѣжно-ярки,
 Свободны, какъ она—созвучія Петрарки.

6. ОСЕНЬ.

I.

Все лѣта ждали мы, а лѣто ужь прошло.
 И только въ августѣ—какъ будто бы ошибкой
 Вдругъ прояснилось тихою улыбкой
 Природы хмурое чело.

Ни разу, кажется, не расцвѣтало лѣто
 Такъ нѣжно-молодо и ярко, какъ сейчасъ...
 Такъ юный день сіялъ лазурью свѣтлыхъ глазъ,
 И ни на мигъ не вѣрилось, что это—
 Вторая молодость...

Я видѣлъ иногда,
 Какъ падалъ желтый листь; я слышалъ тихій шорохъ;
 Но, какъ печали звукъ въ безпечныхъ разговорахъ,

Ни тѣни легкой, ни слѣда
 Въ природѣ и въ душѣ моей не оставляло
 Напоминанье вѣтерка:

Вездѣ вокругъ печали какъ-то мало,
 И мысль объ осени красива и легка,
 Какъ милой грезы покрывало.

Жаль, осени здѣсь не дожидаться мнѣ;
 „Люблю я пышное природы увяданье“—

Покой въ прозрачномъ полуснѣ,
 И плачь, и бурное страданье.
 Пріятно мнѣ въ рѣдѣющей аллеѣ,
 Среди листвы и свѣжей, и сквозной,
 Увидѣть вѣтку—ярче и смѣлѣ
 Горящую красивой желтизной
 Въ холодномъ блескѣ дня или въ пламени заката,
 Когда душа тоской и думою объята—
 Прозрачною, какъ неба высота,
 Неясною и милой, какъ мечта...
     А вѣтра влажное дыханье
     И освѣжаетъ, и бодрить,
 И тонкое его благоуханье
 О тайнахъ осени понятно говорить.

.II

И съ тихой думою о вянущихъ дубравахъ,
 О дняхъ задумчивой и грустной красоты
     Я покидалъ тебя. И ты
 Сквозь слезы на меня глядѣла...
   Вдругъ—въ оковахъ,
 Въ оковахъ каменныхъ увидѣлъ я тебя
     Развѣнчанной, померкнувшей, опальной...

И съ прежнею улыбкою печальной
     Лишь иногда еще, скорбя,
     Глядѣла ты вкругъ себя
     Своимъ лазурно-тихимъ взглядомъ
 И какъ бы видѣла опять съ собою рядомъ
     Природы яркіе дары;

Но меркли краски трепетной игры,—
 И ты, покрытая тускнѣющимъ нарядомъ,
     Надъ прахомъ грезь иной поры —
     Въ цѣпяхъ и въ мукахъ...
         Сердце ядомъ
 Перепожнялось. Тусклымъ взглядомъ
     Глядѣла, осень, ты
     Въ туманъ, кишашій жизнью мутной,
     И вдругъ—со злобою минутной,
 Съ рыданьемъ бѣшенымъ обманутой мечты
 Металась, ярыми волнами потрясая
     И ударяя о гранитъ,
 И вѣтромъ ледянымъ протяжно завывая,
     Когда мятель, какъ смерчь, летитъ,
 Какъ бѣлыхъ призраковъ трепещущая стая.

Порывъ—часъ, два... минута—и опять
 Безильна ты и можешь лишь вздыхать
 Да тихо плакать тусклыми слезами
     И о быломъ вспоминать...
     Тогда и я душой съ тобою.
 И какъ я радъ, когда улыбкой голубою
     Ты невзначай проглянешь изъ-за туч!

А какъ печалень былъ послѣдній лучъ,
     Вспоминаньемъ позлащенный!
 Онъ потускнѣлъ, зимою побѣжденный,
 Но долго я его не позабылъ:
 Душѣ онъ слишкомъ много говорилъ.

Тебя онъ мнѣ напомнилъ—золотую
 И полную огня холодной красоты.

Я тосковалъ, какъ часто я тоскую,

И видѣлась мнѣ—ты...

И долго грезились поблекшія поляны,

Шуршащій вѣтеръ, бѣлая роса,

Закатъ, студеный и румяный,

„Въ багрець и въ золото одѣтые лѣса“...

† ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ПУШКИНА.

Цвѣты послѣдніе милѣй
 Роскошныхъ первенцевъ полей,
 Они унылыя мечтанья
 Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
 Такъ иногда разлуки часъ
 Живѣе самаго свиданья.

I.

Когда черемуха повѣтъ
 Стыдливой нѣгою весны,
 Когда востокъ ужъ розовѣтъ,
 Но вьются трепетные сны,—

О какъ я рвусь въ поля родныя—
 Забыться въ радостной тиши,
 Какъ тяжки стѣны городскія
 Для молодѣющей души!

Но тяжелѣй, чѣмъ жажда встрѣчи
 И безъ надежды изнывать—
 Прощальный звукъ послѣдней рѣчи
 Душой взволнованной впивать;

Но мнѣ грустнѣе любоваться
 Багрянцемъ осени златой,
 Ея цвѣтами упиваться—
 Чтобъ съ ними тотчасъ разставаться
 Для жизни чуждой и пустой.

2.

У зимняго огня порой ночью
 Какъ я люблю унылыя мечты;
 И въ лѣтній день, укрытая отъ зною,
 Полна печаль высокой простоты,
 Какъ юною мечтательной весною;
 Такъ осени прощальныя цвѣты
 Для насъ цвѣтутъ и нѣжно, и уныло—
 И говорятъ душѣ о томъ, что было.

3.

Не первый вздохъ твоей любви—
 Послѣдній стонъ и боль разлуки
 Въ часы отчаянья и муки
 Воспоминаясь оживи.

Какъ осень грустными цвѣтами
 Душѣ понятна и родна,—
 Былыхъ свиданій скорбь одна
 Сильнѣе властвуетъ надъ нами.

Послѣдній мигъ душа хранить,
 Забывъ про всѣ бывшя встрѣчи:
 Единый звукъ послѣдней рѣчи
 Душѣ такъ внятно говорить.

СОНЕТЫ ПЕТРАРКИ.

Памяти А. Н. Веселовскаго.

I.

Voi ch' ascoltate in tinte sparse il suono...

In vita di M. L. Son. I.

Вы, для кого звучать мои созданья,
 Какъ вздохи тѣ, что сердце мнѣ питали,
 Когда порывы юные играли,
 Былъ я—не тотъ, не тѣ—мои желанья!

Измѣнчивъ строй—всѣ жалобы, признанья,
 То тщетныя надежды, то печали;
 Но если сами вы любовь познали—
 Съ прощеніемъ я жду и состраданья.

Но вижу я, что передъ всей страной
 Былъ долго басней я во дни былые—
 Самъ за себя пылаю я смущенъемъ

И вмѣсто грезъ стыжусь передъ собою
 И каюсь я; а радости людскія
 Являются лишь краткимъ сновидѣньемъ.

2.

Io amai sempre...

Son. LVI.

Всегда любилъ, теперь люблю душою
И съ каждымъ днемъ готовъ сильнѣй любить
То мѣсто, гдѣ мнѣ сладко слезы лить,
Когда любовь томить меня тоскою.

И часъ люблю, когда могу забыть
Весь міръ съ его ничтожной суетою;
Но больше—ту, что блещетъ красотою,
И рядомъ съ ней—я жажду лучше быть.

Но кто бы ждалъ, что нѣжными врагами
Окружено все сердце—какъ друзьями,
Которыхъ я бѣ къ моей груди прижалъ.

Я побѣжденъ, любовь, твоею силой!
И, еслибъ я не зналъ надежды милой,—
Гдѣ жить хочу, тамъ мертвымъ бы упалъ!

3.

Race non trovo...
Son. XC.

И мира нѣтъ—и нѣтъ нигдѣ враговъ;
 Страхусь—надѣюсь, стыну—и пылаю;
 Въ пыли влачусь—и въ небесахъ витаю;
 Всѣмъ въ мірѣ чуждѣ—и мірѣ обнять готовъ.

У ней въ плѣну неволи я не знаю;
 Мной не хотятъ владѣть, а гнетъ—суровъ;
 Амуръ не губить—и не рветъ оковъ;
 И жизни нѣтъ конца, и мукамъ—краю.

Я зрячъ—безъ глазъ; нѣмъ—вопли испускаю;
 Я жажду гибели—спасти молю;
 Себѣ постылъ—и всѣхъ другихъ люблю:

Странаньемъ—живъ; со смѣхомъ я—рыдаю;
 И смерть, и жизнь—съ тоскою прокляты;
 И этому виной, о донна—ты!

4.

Per mezz'i boschi...

Son. CXXIV.

Сквозь дикій боръ и мрачный, и дремучій,
Гдѣ ѣхать страшно и съ мечомъ въ рукахъ,
Я ѣду смѣло: мнѣ внушаетъ страхъ
Лишь солнца свѣтъ—лучи любви могучей.

Я ѣду съ пѣсней (мысли—бредъ кипучій)—
О ней одной. Нѣтъ власти въ небесахъ
Ее сокрыть; и съ ней въ моихъ глазахъ
Дѣвицы, дамы... нѣтъ—то букъ плакучій.

Ее я слышу въ шорохѣ вѣтвей,
Въ рыданьѣ птицъ, въ волнахъ, когда ручей,
Журча въ травѣ, лужайкою стремится.

И рѣдко тишь и одинокій путь
Мнѣ были милы такъ когда-нибудь;
Но еслибъ солнце мнѣ могло открыться!

X
5.

Tra quantunque leggiadre donne e belle...

Son. CLXIII.

Межь стройныхъ женъ, сіяющихъ красою,
Она царить—одна во всей вселенной,
И предъ ея улыбкой несравненной
Блѣднѣютъ всѣ, какъ звѣзды предъ зарею.

Амуръ какъ-будто шепчетъ надо мною:
Она живетъ—и жизнь зовутъ безцѣнной;
Она исчезнетъ—счастье жизни брэнной
И мощь мою навѣкъ возьметъ съ собою.

Какъ безъ луны и солнца сводъ небесный,
Безъ вѣтра воздухъ, почва безъ растений,
Какъ человѣкъ безумный, безсловесный,

Какъ океанъ безъ рыбъ и безъ волненій,—
Такъ будетъ все недвижно въ мракѣ ночи,
Когда она навѣкъ закроетъ очи.

†
6.

Quando'l Sol bagna in mar l'aurato carro ...
Son. CLXVIII.

Вотъ колесницу въ морѣ золотую
Купаетъ солнце. Сумракъ надо мной.
Со звѣздами, и небомъ, и луной
Тревожную и злую ночь я чую.

О всѣхъ моихъ печаляхъ повѣствую
Я той, что мнѣ не внемлетъ—ей одной
И съ міромъ, и съ судьбой моей слѣпой,
Съ любовью, донной и собой горюю.

Далеко сонъ, и отдыхъ не слетаетъ;
Но вздохомъ, стономъ встрѣчу я разсвѣтъ.
И изъ души текущія рыданья.

Встаетъ заря, бѣлѣтъ мракъ; но нѣтъ!
То солнце—что и жжетъ, и восхищаетъ—
Одно лишь усладить мои страданья.

II.

СОНЕТЫ.

Вячеславу Иванову—мастеру сонета.

ДѢВА-ПТИЦА.

I.

Въ прозрачный часъ передразвѣтно-синій
 Я дѣву-птицу тайно стерегу,
 На матовомъ жемчужномъ берегу
 Вдыхая трепеть лилій и глициній.

Святую дрожь я въ сердцѣ сберегу.
 Она близка и—крыльевъ блескъ павлиній
 Меня слѣпитъ игрой цвѣтовъ и линій—
 Всевѣтный рай на брезжущемъ лугу.

*Брызгови, ко
 алфр не знам*

Въ вѣнцахъ лучей—сіяющія пятна,
 Въ алмазныхъ брызгахъ—трепетныя перья,—
 И вѣщій взоръ мнѣ таинства раскрылъ:

Въ разсвѣтный мигъ безчарна и понятна
 Святая грань заклятаго преддверья,—
 Жду радужныхъ объятій райскихъ крыль!

2.

Когда потускнутъ крылья дѣвы-птицы,
И въ бѣломъ утрѣ явентъ каждый бликъ,—
Я вижу гордый поблѣднѣвшій ликъ,
Властительный и строгій ликъ царицы.

До ужаса онъ явственъ и великъ,—
И дрогнули ревнивыя рѣсницы,
И засинѣли вѣщія зарницы,—
Въ душѣ дрожитъ порыва сжатый кликъ.

Міры чудесь, въ тѣни бровей—глубоки,
Покой чела младенчески-прелестень:
И грезь, и постиженій—безъ границъ.

Подъ влагою истомной поволоки
Невѣстный взоръ такъ тихо ненеѣстенъ—
И передъ нимъ душа поверглась ницъ.

3.

День надъ судьбой моею отраднo-плѣнной
Разсвѣтнoю развѣтеть кисею—
Тогда душой безсильно воспою
Ликъ дѣвы-птицы я богоявленной.

И слезы я прозрачныя пролью.
И надъ моею жемчужною вселенной
Она лазурью жаркой и нетлѣнной
Разстелеть пѣсню вѣчную свою.

И я растаю съ этой первой пѣсней—
И перельюсь я въ новые напѣвы
И новымъ раемъ царственно упьюсь.

Безмѣрность роковая все чудеснѣй,—
Я постигаю мѣръ нездѣшной дѣвы.
Я съ ней навѣкъ торжественно сольюсь.

ВЕСЕННЯЯ НЕВѢСТА.

Она порхала тихо между вѣтокъ,
Чуть зеленѣющихъ передъ весной;
Ей было вольно въ тишинѣ лѣсной
И широко въ сплетеньи хрупкихъ клѣтокъ.

Ужъ чудился навѣсъ зеленыхъ сѣтокъ—
Въ прохладныхъ искрахъ, влажный и сквозной
Сплетался онъ въ игрѣ съ голубизной,
Смѣявшейся глазами рѣзвыхъ дѣтокъ.

И сыпался ихъ смѣхъ по чуткой чащѣ—
Звеня, скликались птичьи голоса.
Она взвивалась съ ними въ небеса.

Но у земли ширять хотѣлось чаще.
А въ синевѣ развѣялась маняще
Ея фаты сквозная полоса.

Воскресшій мѣсяць заблѣлъ какъ мечь.
И передъ далью матово-прозрачной
Земля склонялась трепетной и мрачной;
Въ долинахъ молкла суетная рѣчь.

А небеса въ торжественности брачной
Спѣшили звѣздъ свѣтильники возжечь.
Трикирии колеблющихся свѣчъ
Огни сплетали вязью тайнозначной.

Земля не смѣла трепеть перевозмочь;
Я предался волнѣ ночного хора,
Туманный мой покровъ унесся прочь.

Въ сіяніи росистаго убора
Ко мнѣ идетъ моя невѣста—ночь
Изъ-подъ шатровъ колдующаго бора.

Il faut être toujours ivre.

Baudelaire.

Да, опьяненнымъ нужно быть всегда.
Виномъ, грѣхомъ, молитвой—опьяненнымъ,
Чтобъ каждый мигъ явился проясненнымъ,
Гдѣ не шуршатъ минуты, дни, года.

Я каждый мигъ хотѣлъ бы быть влюбленнымъ,
Пылатъ, какъ та далекая звѣзда,—
Зажечь ли міръ, сгорѣть ли безъ слѣда,—
Но говорить съ безсмертьемъ окрыленнымъ.

Но гдѣ найду напитокъ я хмѣльной,
Тотъ райскій нектаръ, ту волну живую,
Съ какими я хоть мигъ восторжествую?

Кто напоить той ярою волной
И ливнемъ выльетъ тучу грозовую,
Чтобъ опьяненъ былъ цѣлый міръ со мной?

Дожливый день ползеть къ ночи уныло
И шепотомъ зоветъ несмѣло тьму.
Уже съ утра пустое сердце ныло,
И тусклый сонъ мерещился уму.

Сознаніе бездѣйственно застыло,
Не разгадавъ навѣки, почему—
И для чего кругомъ все такъ постыло,
Все такъ враждебно духу моему.

И пусть же день свершаетъ путь обычный,
Дожливый путь къ вечерней тьмѣ—и пусть
Шаги его и шумъ одноязычный—

Знакомая, своя, родная грусть.
Какъ старой сказки шепоть, мнѣ привычный,
Ужъ я давно все знаю наизусть.

Я уходилъ съ душою оскорбленной
Отъ моего земного алтаря;
Еще дымилъ онъ жертвой раскаленной,
Зловѣщими рубинами горя.

И надъ моей мечтою опаленной
Уже вставала новая заря—
Владычицей, порывомъ окрыленной,
Надъ бренными обидами царя.

Но я тоскъ грызущей предавался:
Вокругъ—на-зло призывамъ молодымъ
Удушливой волною расплывался

Послѣдней жертвы ѣдкій, горькій дымъ.
Я задыхался медленнымъ угаромъ,
Отвергнутый съ моимъ послѣднимъ даромъ.

ВЪ ОКНО.

Ce qu'on peut voir au soleil est toujours moins intéressant que ce que se passe derrière une vitre. Dans ce trou noir ou lumineux vit la vie, rêve la vie, souffre la vie.—Baudelaire.

1.

Блѣтеть четко переплетъ оконный,
Синѣтеть ночь за холодомъ стекла;
Волшебнымъ взглядомъ, властью виѣзаконной
Она меня еще не увлекла.

Еще пока она робка, свѣтла.
Зажегъ я лампы вѣнчикъ полусонный
И жду, когда сгустится синь и мгла
У тусклой головы, къ стеклу склоненной.

Она обниметь—и отдамся самъ
Я всѣмъ ея знакомымъ чудесамъ
У лампы, здѣсь—и тамъ, во мракѣ жуткомъ.

Не раздѣлень, а связать промежуткомъ,
Съ самимъ собой я отдаю часамъ,
Шуршащимъ тайной въ напряженьи чуткомъ.

2

Не вѣчно я одинъ въ безсонный часъ
Во мглѣ окна тускнѣю, отраженный,
Чернѣя смутно впадинами глазъ,—
Какъ волхованьемъ, тьмой завороженный.

Но, тайнодѣйствомъ жизни окруженный,
Когда вокругъ послѣдній свѣтъ погасъ,
Видѣній сонмъ идетъ—преображенный,
Такъ близкій намъ и роковой для насъ.

Я слышу говоръ, шепоть, смѣхъ, рыданья,
Мнѣ чуются и страсти, и страданья—
Единая, какъ ночь, земная страсть.

И вѣчной грезы любящая власть,
Лишь дымкой сна обвивъ свои созданья,
Имъ мощь дарить воспрянуть, но не пасть.

ТѢНЬ.

I.

Склонилась тѣнь надъ письменнымъ столомъ—
 Знакомая давно и повседневно.
 Задумалась безстрастно и безгнѣвно,
 Не шевельнетъ раскинутымъ крыломъ.

Все думы: о грядущемъ, о быломъ—
 Парятъ вокругъ безшумно, безнапѣвно
 И не грозятъ стоглазно и стозѣвно,
 Не борятся ни съ благомъ, ни со зломъ.

Спокойствіе—какъ въ куполѣ высокомъ.
 Но отчего же въ этой тишинѣ
 Такъ боязно, такъ жутко, страшно мнѣ?

Взоръ встрѣтился съ потустороннимъ окомъ.
 Но что жъ я чую споръ добра и зла—
 Гдѣ тѣнь моя склонилась у стола?

2.

Я свѣтъ зажегъ—и вновь она вошла.
Насъ обняла связующая сила—
И на стѣнѣ безцвѣтной воскресила
Вновь полукругъ широкаго крыла.

Она меня еще во тѣмѣ ждала—
И принесла мнѣ тихій дымъ кадила;
Благоуханьемъ синимъ наградила,
Отрадное забвеніе дала.

Вновь, какъ и прежде, я съ моею тѣнью—
Вдвоемъ огнемъ мы жертвеннымъ горимъ;
Въ безмѣрность плавно уплываетъ дымъ.

И, отдаваясь тихому сплетенью
Въ одну волну благоуханій двухъ,
Влюбленный въ тѣнь возрадовался духъ.

3.

Въ мерцаньи ночи тѣнь моя со мной.
И жертвой не горю я вмѣстѣ съ нею,
И въ жути я уже не холодѣю—
Здѣсь, у стѣны обители иной.

Сливаюсь я съ загадочной страной
И скоро самъ ключами овладѣю,
Вступлю во храмъ, подобенъ чародѣю,
Я—тѣнь моя, тѣнь, ставшая собой.

Намъ здѣсь, въ стѣнахъ, не тѣсенъ міръ, не душень;
Тамъ, въ куполѣ насъ не страшить просторъ.
Привыченъ силъ неистовыхъ напоръ.

Полетъ мой будетъ волшебству послушень.
Здѣсь, на стѣнѣ увѣренно легла
Тѣнь моего широкаго крыла.

ЖЕЛАНІЯ.

I. НАПЕРСНИКЪ.

Я не хочу твоей любовью быть.
Не потому, что, вспышки чередуя,
Ты слишкомъ скоро можешь позабыть;
Нѣтъ, вѣчной страсти для себя не жду я.

И пусть ты будешь каждый день любить,
Все первую любовь душой милая,
Чтобъ завтра вновь ее въ себѣ убитъ
Для перваго—иного поцѣлуя.

Я быть хочу наперсникомъ твоимъ,
Чтобъ каждый мигъ впивать твои признанья.
И наслажусь я всѣмъ, неутомимъ;—

Чему нѣтъ словъ, нѣтъ мѣры и названья.
И будетъ мой порывъ нераздѣлимъ—
Огнемъ твоимъ восторженно палимъ.

2. двойникъ.

Хотѣлъ бы быть твоимъ я двойникомъ,
Чтобъ каждое случайное движенье—
Сверканье глазъ, улыбки выраженье—
Я повторялъ, во слѣдъ тебѣ влекомъ.

И было бѣ вѣчно ясное сближенье,
Гдѣ бѣ каждый мигъ мнѣ былъ, какъ я, знакомъ,
И было бѣ тихо въ забытїи такомъ,
И было бѣ сладко это напряженье.

Но слаще всѣхъ невѣдомыхъ наградъ
Мнѣ былъ бы даръ неволи благодатной:
Я въ ней владѣлъ бы тайной невозвратной,

Ей побѣдилъ бы цѣлый міръ преградъ,—
Съ ней каждый мигъ—въ игрѣ тысячекратной
Твоихъ страстей, порывовъ и отрадъ.

3. РОКЪ.

Пусть буду я навѣкъ твоей судьбой.
У ногъ моихъ пусть плещеть и дробится
Твоя душа, готовая разбиться,
Какъ о скалу смирившійся прибой.

Вокругъ тебя, въ тебѣ, вездѣ—разлиться—
И течь, и влечь, какъ воздухъ голубой,
Какъ небосводъ, раскрытый надъ тобой,
Которому бь хотѣла ты молиться.

Какъ жертвенный тебя палящій дымъ,
Съ огнемъ багровымъ виться и клубиться
И содрогаться сердцемъ молодымъ.—

Пока твое не перестанетъ биться.
Въ предсмертный мигъ пылай въ моемъ огнѣ,
Чтобъ вмѣстѣ съ нимъ отдаться—только мнѣ.

Есть имена. Таинственны и стары,
Пылают властью эти имена.
Какъ приворотныхъ зелей сѣмена,
Они таятъ невѣдомыя чары.

Дивились имъ вѣка и племена,
Иль тихо пѣли ихъ сквозь зовъ гитары,—
Они властны, какъ сладкіе кошмары,
Въ усладахъ ихъ безвластны времена.

Изъ нихъ одно въ прозрѣніи глубокомъ
Душа зоветъ, изъ вѣка въ вѣкъ—одно,
Покорена проникновеннымъ окомъ.

Не знаю я, недавно иль давно—
И я настигнуть именемъ—какъ Рокомъ.
Сегодня мнѣ узнать его дано.

Стопились тѣсно липы, сосны, клены,
Надъ озеромъ смыкаются кольцомъ—
И въ синевѣ сплетаются вѣнцомъ
Ихъ пышныя зеленыя короны.

На нѣжныхъ мхахъ ихъ вѣковые троны.
Деревья никнуть радостнымъ лицомъ
Надъ зеркаломъ—надъ круглымъ озерцомъ,—
Съ улыбкой гордой—царственныя жены.

И мирный свѣтъ проникъ зеркальность водъ—
И, не дробясь въ сіяніи и блескѣ,
Она лилась въ журчаніи и плескѣ.

А въ глубинѣ раскрылся небосводъ
Съ зеленымъ краемъ—радостно лазурной
Гирляндами увитой свѣтлой урной.

ПОЛЕТЪ.

I. ДЭДАЛЬ.

Приди ко мнѣ, возлюбленный Икаръ.
Вотъ—я рѣшилъ великую задачу!
И празднествомъ я этотъ день означу;
Прими же крылья—мой безцѣнный даръ.

Теперь въ мечтахъ о родинѣ не плачу:
Миновъ могучъ, я--немощень и старъ;
Но злу нанесъ рѣшающій ударъ.
Даровъ свободы втунѣ не истрачу.

О вѣрь мнѣ, сынъ. Недаромъ твой Дэдалъ
Позналъ страду творящаго усилъя
И всѣмъ богамъ молился, и рыдалъ.

Почувствовалъ и въ этой сказкѣ былъ я;
Благого неба тайну угадалъ—
И создалъ нынѣ царственныя крылья.

2. ИКАРЪ.

Люблю полеть ночной—при свѣтѣ звѣздъ.
Лета, прельщусь то этой, то другою—
Межь нами встанетъ легкою дугою
Невидимый—и достижимый мость.

Но только дню всю душу я раскрою.
Безгранный міръ величественъ и простъ;
Я въ крыльяхъ чую жизнь, порывъ и ростъ,
Я увлеченъ ихъ мощью, какъ игрою.

А иногда, разнѣженъ и лѣнивъ,
Спустившись низко, плавно пролетаю
Надъ гладью водъ, надъ ширью рощъ и нивъ.—

И вдругъ, пронзая облачную стаю,
Взвиваюсь въ высь—и, глазъ не заслонивъ,
Гляжу на солнце—и смѣюсь, и таю.

3. наяда.

О наконецъ ты на моей груди!
 Но недвижимъ, но блѣденъ, какъ лилея.
 Напрасно я, какъ мать, тебя лелѣя,
 Шепчу, кричу: „Откликнись! Погляди!“

Какъ я ждала, въ желаньяхъ тайно млѣя,
 Когда одинъ летѣлъ ты впереди—
 И низко, низко. „Милый мой! Приди!“ —
 И руки подымала въ полумглѣ я.

Какъ нѣженъ шеи палевый загаръ...
 Какъ кротко свѣтитъ на тебя Плеяда...
 Пошевелись, вздохни! Взгляни, Икаръ!

Любила солнце для тебя наяда!
 О солнце! Взглядъ твой—злѣйшая изъ каръ!
 Кому, за что—твой кубокъ, горше яда?!

Il faisait, en l'honneur de la sainte Mère
de Dieu, les tours qui lui avaient valu le plus
de louanges.

Anatole France. «Le Jongleur de Notre-
Dame».

Какъ оный набожный жонглеръ
Передъ готической Мадонной...

Вячеславъ Ивановъ

Пусть ночь грѣха въ душѣ моей бездонна;
Но развѣ я, одинъ въ ночную пору,
Неслышный уху и невидный взору,
Вамъ не служу, пречистая Мадонна?

Какъ нѣкогда смиренному жонглеру,
Чья жертва къ Вамъ всходила, благоводна,
Вы—къ набожнымъ порывамъ благосклонна—
И мнѣ откройте путь къ святому хору.

Какъ Барнабэ лишь—стройными дѣлами,
Свершенными молитвенно и тайно,
Васъ прославлялъ одинъ необычайно,—

Такъ мнѣ моими темными хвалами
Дозвольте воспѣвать, не именуя,
Мадонна, Васъ—и слушайте, молю я.

Вашъ голосъ пѣлъ такъ нѣжно о гавотѣ,
 Танцованномъ у старенькой маркизы, —
 Что имя неподобное Элизы
 Просилось на уста при каждой нотѣ.

*Нѣтъ,
 Кузина.*

Влюбленныхъ ревность, ласки и капризы,
 Свиданья шепотъ въ полутемномъ гротѣ—
 И поцѣлуй при мраморномъ Эротѣ,
 И тайныхъ нѣгъ веселые сюрпризы,—

Все вспомнилось: любовь была премудра
 И въ пѣсенкѣ подъ звуки клавесина.
 Вашъ взглядъ, румянецъ, милая кузина...

Вотъ локона развившагося пудра...
 Вотъ новыя таинственныя мушки,
 Какъ и тогда—на балѣ у старушки!

Мой другъ, еще страницу поверни—
 И желтую, и нѣжную страницу;
 Вновь вызови живую вереницу
 Крылатыхъ сновъ блаженнаго Парни.

Полны весенней нѣгою они.
 Привѣтствуй бодро юную денницу—
 И въ юный мѣръ чрезъ шаткую границу
 Увѣренно и радостно шагни.

На фонѣ утра нѣжно-розоватомъ
 За стройной нимфой гонится пастухъ;
 Ихъ смѣхъ поетъ хмѣляющимъ раскатомъ.

Пока румянецъ утра не потухъ,
 Любуйся имъ—твоимъ счастливымъ братомъ
 И раскрывай влюбленной пѣснѣ слухъ.

E sospirando pensoso venia,
 Per non veder la gente, a capo chino.
 Dante. La Vita Nuova.

Моя любовь шла голову понуря,
 Чтобъ скрыть лицо и не видать толпы;
 И были тихи, медленны стопы,
 Хотя въ душѣ рвалась, металась буря.

Тянулись окна, стѣны и столпы—
 И люди, люди; но, чела не хмурия,
 Все шла она, слегка рѣсницы жмурия,
 Чтобъ не сойти съ предызбранной тропы.

Дневная жизнь, звеня и пламенѣя,
 Вокругъ текла—вдругъ дѣву замѣчала—
 И устремлялась взорами за ней.

Изъ-подъ волны распавшихся кудрей
 Она безмолвнымъ вздохомъ отвѣчала
 И шла впередъ, склоняясь и блѣднѣя.

Н.

Душистый духъ черемухи весенней,
Ея зелено-бѣлую красу,
Одѣтую въ разсвѣтную росу—
Я полюбилъ душой моей осенней.

Все жизненнѣй, душистѣй и безцѣннѣй
Моя любовь мнѣ въ жизненномъ лѣсу;
Все осторожнѣй я ее несу,
Все путь мой долгій глуше и безсмѣннѣй.

Когда ее я вижу въ свѣтлой чашцѣ—
Нарядную любимицу мою—
Я взглядъ ея невинныхъ глазъ ловлю—

И мнѣ дышать въ глуши все слаще, слаще,
И долго я люблюсь и стою,
И вновь иду, и счастливъ, и пою.

М. В. Сабашниковой.

Заклятую черту перешагни—
И лѣтнюю страду смѣнить награда —
Лилово-синихъ гроздьевъ винограда
И тусклые, и жаркіе огни.

Не для тебя высокая ограда.
Покорныхъ лозъ объятъя разогни,
Отважно душевой чащи досягни,
Чтобы узрѣть царицу вертограда.

Въ волшебную дрему погружены
Хмѣльные гроздья. Чуть листвою колышуть—
И винный запахъ въ ихъ огнѣ лиловомъ.

Въ недвижномъ воздухѣ могучимъ словомъ
Завороженные, молчатъ—и слышуть
Присутствіе таинственной жены.

Подъ гуль костровъ, на-зло шумящей бурѣ
Мы продолжали пиръ торжествовать,
Когда сквозь боръ на разъяренномъ турѣ
Ты прискакала съ нами пировать.

Вино—поминъ по нашемъ древнемъ шурѣ—
Мы по ковшамъ спѣшили разливать;
А ты валялась на медвѣжьей шкурѣ.
Мы всѣ тебя бросались цѣловать.

Ты одѣляла насъ чудеснымъ даромъ.
Казалась ты владычицей громовъ;
Ты хохотала—буря бушевала.

Вдругъ боръ потрясся яростнымъ ударомъ.
Умчалась ты—и вспыхнулъ царь дубовъ,
За нимъ - раскрылся черный мракъ обвала.

Я въ рощѣ лавра ждалъ тебя тогда.
Ручьи, цвѣты—денницѣ были рады.
Алѣла розой утренней отрады
У ногъ моихъ спокойная вода.

Ужъ просыпались дальнія стада.
Кричали рѣзво юныя мѣнады.
А я шепталъ, исполненный досады:
„Нѣтъ, не придетъ ужъ вѣрно никогда“.

Вдругъ—легкій бѣгъ и плескъ въ водѣ ручья:
Ты, падая стремглавъ, ко мнѣ взываешь,
Бѣлѣешь въ алой влагѣ, исчезаешь...

Я ринулся къ тебѣ, краса моя.
А за тобой—и смѣхъ, и вой кентавра,
И стукъ копытъ гремѣлъ по рощѣ лавра.

Я къ ней бѣжалъ, вдыхая духъ морской,
Въ забвеніи томящемъ и счастливомъ.
Надъ голубымъ сверкающимъ заливомъ
Стлалъ золото полуденный покой.

Вся розовѣя въ пламени стыдливомъ,
Обвивъ чело зеленой осокой,
Она ждала съ улыбкой и тоской
На лонѣ волнъ ласкательно-сонливомъ.

Вдругъ надъ водой увидѣла меня...
Слѣпительныя, пѣнистыя брызги,
Прозрачныя, пронзительныя визги--

Разсыпались, сверкая и звеня.
И плескъ далекъ. Но мигъ—спѣшать обратно
Въ лазурномъ блескѣ розовыя пятна.

На берегу стоялъ я у рѣшетки.
 Въ ухахъ звенѣли звуки мандолинъ,
 Назойливо одолѣвая сплннъ.
 А нѣженъ былъ закатъ и дали—четки.

Скользили разукрашенныя лодки.
 Чернѣли полумаски синьоринъ;
 Ихъ нѣжили и ласковость картинъ,
 И тенора чувствительныя нотки. ?

Какъ позы женственны, какъ вздохи сладки.
 Но это чей малиновый нарядъ?
 Тяжелыя струющіяся складки...

Огромныя глаза огнемъ горять—
 Твоимъ огнемъ—въ разрѣзахъ полумаски...
 Ты!.. Меркнуть звуки... потухаютъ краски...

Надеждѣ Григорьевнѣ Чулковой.

За темнымъ городомъ пылали дали
Сіяніемъ закатнымъ багреца.
Глухому дню покорнаго конца
Въ усталой дремѣ люди ожидали.

Нежданно мимо моего крыльца
На ворономъ конѣ вы проскакали.
За темной тѣнью бившейся вуали
Я не увидѣлъ гордаго лица.

Но стройный образъ амазонки черной,
Мелькнувъ на багряницѣ заревой,
Дохнулъ какой-то силой роковой.

И тишина казалась чудотворной:
Не я одинъ поникнулъ головой,
А весь народъ одной душой покорной.

Я думалъ, ты исчезла навсегда:
Судьба-колдунья все жалѣла дара.
И безнадежной ѣдкостью угара
Пьянили духъ шальные города.

Такъ проползли безцвѣтные года.
Толпа течетъ; скользить за парой пара
По освѣщеннымъ плитамъ тротуара.
И вижу—ты, спокойна и горда.

Твое лицо прозрачное—изъ воска.
Темнѣетъ брови нѣжная полоска.
Въ нарядѣ черномъ строенъ обликъ твой.

И ты стоишь у пестраго кіоска.
Какъ хороши—и шляпа, и прическа,
Стекланный взоръ и профиль восковой.

Въ сіяньи электрическихъ огней,
Подъ гульъ автомобилейъ и трамвая, —
Толпы не видя, глазъ не отрывая
Отъ чертъ знакомыхъ, шель я рядоми съ ней.

Стежлянными глазами все яснѣй
Она глядѣла, — маска восковая.
И, въ радостной бесѣдѣ оживая,
Сіяла ясно страстью давнихъ дней.

Очарованье вѣчныхъ новыхъ встрѣчъ
Подъ масками — мы оба полюбили.
И сладко радость бережно стеречь!

Да, это ты! Какъ тьма намъ ни перечь, —
Горять огни, шумять автомобили,
И мы — вдвоемъ, и льется жизни рѣчь.

Ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ.
Пушкинъ. «Каменный Гость».

Я знаю, въ той странѣ, гдѣ ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ, гдѣ любовь поетъ
Свой добровольный, свой блаженный гнетъ
Подъ темнымъ, пышнозвѣзднымъ небосклономъ,—

Тамъ полумаска черная идетъ
Смиренно-гордымъ, нѣжно-дерзкимъ женамъ.
Покорныя имъ вѣдомымъ законамъ,
Сквозь прорѣзи глядятъ онѣ—впередъ.

Ихъ чертъ не видно, но онѣ—прекрасны
И потому—свободно-сладострастны,
Капризной тайной красоту покрывъ,

Такъ, затаивши—гордыя—порывъ.
Онѣ глядятъ—и знаютъ: жарче солнца
Отвѣтитъ взоръ влюбленный каталонца.

Сними же маску съ этой робкой тайной--
На кладбищѣ, безмолвною порой.
Открой же мнѣ лицо твое, открой—
Въ его красѣ, какъ сонъ необычайной!

Сегодня? Въ ночь? Въ судьбѣ моей случайной
Къ тебѣ вхожу не первый я—второй.
Пусть такъ! Отъ глазъ, отъ устъ—желаній рой
Стремить къ любви свободной и безкрайной.

И я любимъ! Мучительный раздоръ
Въ душѣ затихъ. Ты любишь, донна Анна—
И ты со мной... Какъ ночь благоуханна!

Постой! Вотъ онъ—почтенный командоръ.
Зови жъ его! Пусть видитъ наши ласки!
Сегодня въ полночь ты со мной—безъ маски!

Богатый ливень быстро прошумѣлъ,
Серебряный, веселый и прохладный.
Пустынный зной, нѣмой и безотрадный
Онъ разорвалъ—прекрасенъ, юнъ и смѣлъ.

Онъ—юноша—среди веселыхъ дѣлъ
Вбѣжалъ сюда, еще къ веселью жадный,
Смѣясь, хваля какой-то пирь громадный,
Блестящими глазами поглядѣлъ.

И нѣтъ его. Онъ убѣжалъ, спѣша.
Словами торопливыми прославиль
Онъ молодость—и радость тутъ оставиль.

На вѣткахъ, на стебляхъ—какъ хороша!
Алмазная, блестить, звучить, играя,
Поеть стихи про пирь иного края.

Счастія легкой вѣнецъ. «Довольно».
Вячеславъ Ивановъ.

Широкой чашей быть—хмѣльнымъ виномъ
Налитой до избытка, выше края.
Шипѣть, смѣяться, искриться, играя
И разливаясь на пиру хмѣльномъ.

Широкимъ моремъ быть—въ себѣ одномъ
И адской бездны плѣнь, и волю рая
Вмѣщать безмѣрно—пышно убирая
Себя валовъ серебрянымъ руномъ.

Широкимъ небомъ быть—и обнимать
За солнцемъ солнце синевой нетлѣнной
И, распростершись, течь вкругъ вселенной.

Широкой пѣсней быть—себѣ внимать
И шириться такъ властно и раздольно,
Чтобы сказать самой себѣ: „Довольно“.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

І. Элегіи, стансы, п'есни, гимны,
сонеты.

Т'эни.	стр.
1. Т'эни ночныя	5
2. Свѣтитъ мѣсяць	6
3. Какъ настанетъ ночь	8
4. Надъ мирно угасшимъ закатомъ	9
5. Черезъ лѣсъ	10
6. Разъ ночью. Сонетъ	11
7. Я видѣлъ сонъ. Сонетъ.	12
8. Дождь	13
9. Посеребрённый лукъ Діана	15
Городъ. Тѣсно сдвинуть	16
Элегическая сюита.	
1. За-пѣлnochъ	18
2. Конецъ марта. Пятно туманной луны	19
3. Истома. Душенъ яркій зной	19
4. Когда я въ августъ	20
Усталость. Каркають вороны	21
Кухулиня. Сонетъ	22
Струны.	
1. Вѣетъ вѣтеръ	23
2. Слышу шорохъ.	23
3. Ночь какъ сонъ спокойна	24
4. Спитъ вагонъ	24

Милый рыцарь.	стр.
1. Милый рыцарь	25
2. Прялка моя	26
3. Ты пребудешь	27
4. Мѣдныя трубы	28
5. Мой вѣрный поэтъ	29
Романсы о графѣ Вилламельянѣ.	
1. Былъ турниръ великолѣпный	31
2. Гдѣ была еще на свѣтѣ	32
3. Граціозна Изабелла	32
4. Кавалеръ, поэтъ и рыцарь	33
Гимны.	
1. Утренней звѣздѣ	35
2. Храмъ.	37
3. Мѣсяцу, зарѣ, звѣздѣ, лазури, солнцу	39
Свѣтлое имя твое	41
Глаза—лиловыя фіалки	43
Напѣвы Фета.	
1. Уѣдешь	44
2. Какъ сегодня зарницы свѣтлы	45
3. Другъ мой, молчишь ты?	46
4. Ночь моя	47
5. Ты предсталъ	47
Ручей. Когда въ волахъ моихъ	49
Задумчивый сатиръ	50
Пѣсня. Вижу я въ кудряхъ березки	51
Мечту мою они плѣняють вмѣстѣ. Сонетъ	52
Отсвѣты.	
1. Отвѣтъ. Когда ужъ ночь давно	53
2. Аркадія	54
3. Мечтателю. О, не мечтай	55
4. Мимолетные, живые	57
5. Да, хорошо мнѣ здѣсь	58
6. Осень	59
Вариациі на тему Пушкина.	
1. Когда черемуха повѣстъ	63
2. У зимняго огня	64
3. Не первый вздохъ твоей любви.	64

Сонеты Петрарки.	стр.
1. Вы, для кого звучать мои созданья	65
2. Всегда любилъ, теперь люблю душою	66
3. И мира нѣтъ, и нѣтъ нигдѣ враговъ	67
4. Сквозь дикій боръ и мрачный, и дрему- чій.	68
5. Межь стройныхъ женъ, сіяющихъ кра- сою	69
6. Вотъ колесницу въ морѣ золотую	70

II. Сонеты.

Дѣва-птица.	
1. Въ прозрачный часъ	73
2. Когда потускнутъ крылья	74
3. День надъ судьбой моей	75
Весенняя невѣста	76
Воскресшій мѣсяцъ заблѣлъ какъ мечъ	77
Да, опьяненнымъ нужно быть всегда	78
Дождливый день ползеть	79
Я уходилъ съ душою оскорбленной	80
Въ окно.	
1. Блѣбеть четко	81
2. Не вѣчно я одинъ	82
Тѣнь.	
1. Склонилась тѣнь	83
2. Я свѣтъ зажегъ	84
3. Въ мерцаньи ночи.	85
Желанія.	
1. Наперсникъ	86
2. Двойникъ	87
3. Рокъ	88
Есть имена	89
Столпились тѣсно	90
Полеть.	
1. Дѣдалъ	91
2. Икаръ	92
3. Наяла	93

	стр.
Пусть ночь грѣха въ душѣ моей бездонна	94
Вашъ голось пѣлъ такъ нѣжно о гавотѣ	95
Мой другъ, еще страницу поверни	96
Моя любовь шла, голову понуря	97
Душистый духъ черемухи весенней	98
Заклятую черту перешагни	99
Подъ гулъ костровъ, на-зло шумящей бурѣ	100
Я въ роцѣ лавра ждалъ тебя тогда	101
Я къ ней бѣжалъ, вдыхая духъ морской	102
На берегу стоялъ я у рѣшетки	103
За темнымъ городомъ пылали дали	104
Я думалъ, ты исчезла навсегда	105
Въ сіяньи электрическихъ огней	106
Я знаю, въ той странѣ	107
Сними же маску съ этой робкой тайной	108
Богатый ливень быстро прошумѣлъ	109
Широкой чашей быть	110

КАТАЛОГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
«СКОРПИОНЪ»
ОКТАБРЬ 1908 ГОДА.

І. СТИХИ.

- Ю. Балтрушайтисъ.** Жатва Дня. Печатается.
- И. Д. Бальмонтъ.** Полное собраніе стиховъ.
Томъ I. (Подъ сѣвернымъ Небомъ, Въ безбрежности, Тишина). М. 1908 г. Изданіе третье. Ц. 2 р.
Томъ II. (Горящія Зданія). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ IV, V, VI, VIII, IX готовятся къ печати.
Томъ VII. (Жаръ Птица). Фронтисписъ К. Сомова. М. 1907. Ц. 2 р.
Томъ X. (Хороводъ временъ). Выйдетъ въ ноябрѣ.
- Александръ Блокъ.** Нечаянная Радость. Второй сборникъ стиховъ. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Валерій Брюсовъ.** Пути иперешутья. Стихи 1892—1907гг.
Томъ I. Стихи 1892-1901 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse, Tertia Vigilia) М. 1907 г. Ц. 2 р.
Томъ II. Стихи 1902-1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos). М. 1908. Ц. 2 р.
Томъ III. Стихи 1907-1908 гг. (Всѣ напѣвы) Печатается.

- Ив. Бунинъ.** Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905 г. Ц. 1 р.
- Андрей Бѣлый.** Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.
- Поль Верлэнъ.** Гимны, пѣсни, исповѣди. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Печатается.
- Эмиль Верхарнъ.** Стихи о современности. Переводъ Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна, работы Т. ванъ Риссельберга. Ц. 1 р. 30 к.
- Юрій Верховскій.** Первая книга стиховъ. М. 1908. Ц. 80 к.
- З.Н. Гиппиусъ.** Собраніе стиховъ М. 1908 г. Ц. 1р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ.** Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ.** Cor Ardens. Speculum Specularum. Эросъ. Выйдетъ въ ноябрѣ.
- М. Кузминъ.** Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Ив. Коневской.** Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій, съ портр. автора и предисловіемъ Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц. 2 р.
- Д. С. Мережковскій.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоръ Сологубъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Оскаръ Уайльдъ.** Тюремная баллада. (Баллада Рэдингской тюрьмы). Пер. размѣромъ подлинника К. Бальмонта. М. 1904 г. Ц. 50 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Андрей Бѣлый.** Сѣверная симфонія (1-я, героическая) въ 4 частяхъ. М. 1904 г. Ц. 75 к.
- Андрей Бѣлый.** Четвертая симфонія. Кубокъ метелей. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Земная ось. Разказы и драматическія сцены. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Части I и II. М. 1908. Ц. 3 р.

Кнутъ Гамсунъ. Съеста. Очерки и разказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.

М. Кузминъ. Разказы.

Томъ I. Готовится къ печати.

Томъ II. Готовится къ печати.

Жагадись. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1905 г. Ц. 65 к.

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.

Томъ I. Поэмы, сказки. Печатается второе изданіе.

Томъ II. Разказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Томъ III. Страшные разказы, гротески. Печатается.

Ст. Шибышевскій Собраніе сочиненій.

Книга I. Homo Sapiens. Романъ въ 3 частяхъ. Пер. М. Семенова. Изд. 2-е. М. 1904 г. Обложка Н. Теофилактова Ц. 2 р. 40 к.

Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 ч.) и др. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. М. 1905 г. Обложка Е. Надельмана. Ц. 2 р. 40 к.

Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Теофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 1 р.

Книга V. Статьи. Печатается.

Ст. Шибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к.

Федоръ Сологубъ. Жало Смерти. (Шесть разказовъ). М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

- Габріэль д'Аннунціо.** Трагедіи. „Мертвый Городъ“, „Джіоконда“, „Слава“. Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Эмиль Верхарнъ.** Елена Спартакская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валерія Брюсова. Печатается.
- Кнутъ Гамсунъ.** Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1907 г. Ц. 50 к.
- Л. Зиновьева-Аннибалъ.** Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.
- З. Красинскій.** Небожественная комедія. Переводъ А. Курсинскаго. Изд. 2-е. М. 1906 г. Ц. 60 к.
- Шарль Ванъ-Лербергъ.** Панъ. Они почували. М-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Теофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.
- Шарль Ванъ-Лербергъ.** Они почували. М-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.
- Ст. Пшибышевскій.** Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. М. 1907. Ц. 1 р.
- Оскаръ Уайльдъ.** Флорентинская трагедія. Единственный авторизованный переводъ М. Ликиардопуло и А. Курсинскаго. М. 1907. Ц. 80 к.
- Артуръ Шницлеръ.** Зеленый попугай. Трилогія („Парацельсъ“, „Подруга“, „Зеленый попугай“). Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к.

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

- Валерій Брюсовъ.** Лицейскіе стихи Пушкина. Изслѣдованіе. Ц. 1 р.
- Андрей Бѣлый.** Арабески. Сборникъ статей по теоріи символизма. Печатается.

- Г. Лансбергъ.** Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 70 к.
- Н. Лернеръ.** Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р.
- Д. С. Мережковский.** Гоголь и чортъ. Изслѣдованіе. Обложка Н. Теофилактова. М. 1905 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Письма Пушкина и къ Пушкину.** Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Арт. Симонсъ и Робертъ Россъ.** Обри Бердслея. Авториз. перев. М. Ликиардопуло. Съ портретомъ О. Бердслея и воспроизведеніемъ его рисунковъ. Печатается.

У. АЛЬМАНАХИ.

- Сѣверные цвѣты** на 1901 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка А. Сомова. М. 1904 г. Ц. 1 р.
- Сѣверные цвѣты** на 1902 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902 г. Ц. 1 р.
- Сѣверные цвѣты.** Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, рассказы, статьи: К. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппиусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма А. С. Пушкина, Ѳ. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904 г. Ц. 3 р.
- Сѣверные цвѣты Ассирійскіе** на 1904—5 г. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три разцвѣта“ драма К. Бальмонта, „Земля“, сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова, „Танталъ“, трагедія Вяч. Иванова, стихи и рассказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба,

Н. Минскаго, Э. Гиппиусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Теофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р.

VI. АЛЬБОМЫ.

Н. Теофилактовъ. 65 рисунковъ (исполненныхъ фототипией, черной и трехцвѣтной автотипией). М. 1908 г. Ц. 3 р.

РАСПРОДАНЫЯ ИЗДАНИЯ.

Н. Д. Бальмонтъ. Будемъ какъ Солнце. Обложка Фидуса. М. 1903 г.

Валерій Брюсовъ. *Stephanos*. Стихи. 1904—1906 гг. М. 1906.

Валерій Брюсовъ. *Tertia Vigilia*. Стихи 1897—1900 гг. М. 1901 г.

Валерій Брюсовъ. *Urbi et Orbi*. Стихи. 1900—1903 гг. М. 1904 г.

Андрей Бѣлый. Симфонія. (2-я, драматическая). М. 1902.

А. Добролюбовъ. Собраніе стиховъ. Предисловіе Валерія Брюсова и Ив. Коневского. М. 1900 г.

Кнутъ Гамсунъ. Панъ. Пер. С. Полякова. М. 1902 г.

Генрикъ Ибсенъ. Когда мы, мертвые, проснемся. Пер. съ норвежскаго С. А. Полякова и Ю. Балтрушайтиса. Изд. 2-е. М. 1900 г.

Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Перевелъ И. Рачинскій. М. 1904 г.

М. Кузминъ. Крылья. Изд. I и II.

Д. Мережковскій. Любовь сильнѣ смерти. М. 1902 г.

М. Матерлинъ. Избіеніе младенцевъ. М. 1904 г.

А. Л. Миропольскій. Лѣствица. Предисловіе Валерія Брюсова. М. 1902 г.

Э. По. Разказы и стихи. Т. I. М. 1901 г.

Сѣверные цвѣты на 1903 г. Обложка Л. Бакста. М. 1903 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПИОНЪ“ высылаетъ всѣмъ, выписывающимъ непосредственно изъ склада (**Москва, Театральная площадь, д. Метрополь, кв. 23**), свои изданія, принимая почтовые расходы на свой счетъ. Но расходы по наложенію платежа гг. покупатели должны принимать на себя. Провинціальные книжные магазины пользуются уступкой 30%, но должны принимать на себя расходы по пересылкѣ книгъ.

Гг. подписчики „Вѣсовъ“ пользуются скидкой отъ 15% до 50% со всѣхъ изданій к-ва „Скорпионъ“, кромѣ изданныхъ въ небольшомъ количествѣ.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпионъ“ и редакціи журнала „Вѣсы“: **Москва, Театральная пл., д. „Метрополь“, кв. 23.** (Телеф. 50-89). Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 2 до 6 час. вечера. Отдѣленіе конторы: **Петербургъ, Садовая, 18**, книжный складъ „Комисіонеръ“.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ

«В Ъ С Ы»

1908. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЫЙ.

Въ 1908 году „Вѣсы“ издаются подъ прежней редакціей и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, но въ увеличенномъ объемѣ и по значительно расширенной программѣ.

Въ „Вѣсахъ“ принимаютъ участіе: С. Ауслендеръ, В. Бакулинъ, Ю. Балтрушайтисъ, А. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Э. Гиппиусъ, Ренэ Гиль, В. Гофманъ, И. Грабарь, Н. Гумилевъ, Реми де Гурмонъ, С. Ещбоевъ, Вячеславъ Ивановъ, А. Кириловъ, А. Кондратьевъ, М. Кузминъ, Н. Лернеръ, М. Ликиардопуло, А. Лютеръ, Д. Мережковский, Н. Минскій, Дж. Папини, Н. Петровская, С. Рафаловичъ, А. Ремизовъ, В. Садовской, Ѳ. Сологубъ, К. Чуковский, Максимилианъ Шикъ, Эллис, П. Эттингеръ и др.

„Вѣсы“ выходятъ 12 разъ въ годъ, въ концѣ каждого мѣсяца, тетрадами отъ 80 до 100 страницъ и болѣе. Въ каждомъ № „Вѣсовъ“ помѣщаются на отдѣльныхъ листахъ рисунки (черные и въ краскахъ) русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Условія подписки. Годъ съ доставкой и пересылкой по всей Россіи—**пять** рублей, полгода—**три** р.; за границу годъ **семь** р. Адресъ: Москва, Театральная площадь, д. Метрополь, кв. 23. Телефонъ 50—89. Отдѣленіе конторы: Петербургъ, Садовая, 18, кн. складъ „Комиссіонеръ“.

Подробные проспекты высылаютъ ся **бесплатно.**

Редакторъ-издатель С. А. ПОЛЯКОВЪ.